

Кредо здравого смысла

Ирина Соболева

Книга Владислава Иноземцева и Никиты Кричевского «Экономика здравого смысла» предлагает любому читателю, не искушенному тонкостями экономического анализа, краткое и понятное объяснение наблюдаемых в России экономических тенденций. Знакомство с книгой должно объяснить, существует ли «надежда на выход из экономического тупика и сохранение остатков среднего класса в современной России». Авторы, однако, сделали чрезмерную ставку на доступность изложения и упрощение аналитического текста: называя факторы, влияющие на сохранение и даже увеличение социального неравенства, Иноземцев и Кричевский не проводят очевидных взаимосвязей между ними.

Первым возможным объяснением логической несвязности служит то, что авторы не смогли представить образ своего читателя и из-за этого не выбрали должной манеры обращения с ним. Если предполагалось, что читатель сам справится с подводными течениями авторской мысли — возникает вопрос о необходимости для такого подкованного и проницательного субъекта столь подробного экскурса в основы макроэкономики. Если же потенциальный потребитель интеллектуального материала книги в первый раз узнает из нее о понятии структурной безработицы, то, возможно, ему непросто будет оценить серьезную авторскую дискуссию о способах

Владислав Иноземцев,
Никита Кричевский. *Экономика
здрoвoгo смьслa*. М.: Алгоритм,
Эксмо, 2009. 224 с.

преодоления кризисных тенденций в российской экономике.

Вторая причина менее тривиальна: *сквозь страницы «Экономики здравого смысла» настойчиво проступают экономические тезисы монографии нобелевского лауреата Пола Кругмана «Кредо либерала»*, введение к русскому изданию которой было написано Владиславом Иноземцевым. Проступают не столько верой в возможность создания среднего класса дистрибутивными усилиями государства, сколько общей авторской интенцией, получившей выход в последней главе книги («Российская экономика — справедливая или нет?»), в которой основанием справедливости выступает то минимальная разница в доходах чиновников и обычных граждан, то прогрессивная налоговая ставка.

Присутствие незримого образа Пола Кругмана вызывает сильный привкус идеологизации аргументов книги и подменяет якобы беспристрастный экономический анализ, на который претендуют авторы, политически не нейтральными оценками. Откровенное сообще-

ние читателям своих политических взглядов на экономику было бы органичным продолжением принятого исследования, поскольку понятие справедливости не может употребляться в контексте понятий богатства и бедности без соответствующего политического оттенка. Отказ от идеологического самоопределения рождает как общую несогласованность внутренней логики книги, так и неожиданное упущение некоторых сугубо экономических причин социального неравенства (например, феноменов наследственной бедности и наследственного богатства, снижающих эффективность налоговой редистрибуции).

Непосредственный обзор возможных инструментов, влияющих на формирование средних классов, ограничивается сравнением плоской и прогрессивной шкал налогообложения. Авторы декларируют своей целью сокращение социального неравенства, хотя *манипулирование налоговыми ставками является способом увеличения доходов бюджета, а не инструментом борьбы с социальным неравенством, и уж тем более не имеет прямого отношения к культивированию среднего класса*. Сокращение неравенства, в свою очередь, зависит от качества редистрибуции государственных доходов, что подтверждает как исследование «Redistribution with Growth», проводимое Всемирным банком на протяжении нескольких десятилетий, так

и аналитические работы экономистов из разных стран¹. Перераспределение доходов с помощью налогов не приносит реальной выгоды адресатам помощи, если *предварительно не определены конкретные социальные группы, получающие прямую и косвенную выгоду от рестрикции*. В ином случае весьма привлекательные меры поддержки того же среднего класса могут вызвать непредвиденный заранее маргинализирующий эффект: к примеру, программа выдачи материнских сертификатов за рождение ребенка усугубила экономическое положение некоторых семей и повысила риски снижения их социального статуса². *Эффективное социальное регулирование также должно учитывать профессиональную, географическую и этническую асимметрию в текущей федеральной редистрибуции доходов*. Без подобных мер введение прогрессивной шкалы превращается в политическую акцию с негативными социальными последствиями.

Возможным примером такой акции мог бы стать проект федерального закона «О внесении изменения в статью 224 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», инициированный В. В. Жириновским и не получивший одобрения в Государственной думе. Непосредственное предложение поднятия верхней планки прогрессивного подоходного налога до 40% и снижения минимальной до 2% не сопровождалось ни анализом того, какие группы станут явными и скрытыми бенефициарами вводимого налога, ни оценкой прогнозируемого изменения доходов региональных бюджетов. Более того, за гипотетическим одобрением законопроекта последовало бы скорее создание новых коррупционных схем по уходу от налогов, чем увеличение налоговых поступлений, поскольку в условиях повышения налоговых ставок для более обеспеченных слоев издержки ухода в теневую экономику и достижения неформальной догово-

воренности с органами власти будут ниже, чем при передаче в бюджет 40% годового дохода. «Успешность» такой стратегии зависит, конечно, от уровня прозрачности экономической системы, поэтому введение прогрессивной шкалы налогообложения не решит проблемы социального неравенства без сопутствующей антикоррупционной кампании.

Иных конкретных мер Иноземцев и Кричевский не предлагают, смещая акцент с поиска решений на описание проблемы или ограничиваясь ссылкой на «зыбкие институциональные основы современного российского общества». В некоторых эпизодах подобный ракурс, возможно, полезен: весьма интересным получился анализ российского рынка недвижимости, плюсов и минусов государственного таможенного протекционизма, фондового рынка. Однако даже при обнаружении очевидных государственных провалов, государство как экономический агент принимается авторами за нечто «единое и неделимое». Возможно, в соответствии с выделяемым кругом проблем, *было бы полезно соотнести эти проблемы с зоной ответственности местного, регионального и федерального правительств*. Так, на городском и муниципальном уровнях содействие предпринимательству невозможно без пресечения рейдерских захватов и аукционных афер. На региональном уровне правительства преимущественно аграрных областей вполне могли бы инициировать пересмотр бюджетно-налоговой политики центра в отношении федеральной целевой программы социального развития села: авторы объясняют зависимость России от импорта продуктов питания тем, что физические объемы их производства «недостаточны и не покрывают внутренний спрос» (с. 51), не упоминая о крайне низкой производительности фермерских хозяйств, монополизации рынка сбыта сельскохозяйственных товаров и бюрократических препятствиях к созданию АПК.

Анализируя федеральную политику правительства за последние 10 лет, Иноземцев и Кричевский демонстрируют на конкретных динамических показателях свойственные России проблемы: промышленную и технологическую стагнацию, монополизацию экономики и принятия политических решений, раз-

гул коррупции, слабость малого бизнеса, низкие затраты на геологоразведку и неадекватные меры в экспортной политике. *Сложно не заметить как взаимовлияние перечисленных показателей, так и роль нефтяной зависимости в их появлении*. Авторы не уделили внимания двум проблемам, объединяющим ресурсную зависимость российской экономики и высокую дифференциацию доходов. Во-первых, оппортунизму государственных чиновников и использованию высоких доходов от экспорта ресурсов на конъюнктурные цели (повышение зарплат и пенсий перед выборами), а также связанной с этим политической коррупции. Во-вторых, серьезному неравенству душевых доходов обычных и «ресурсных» регионов, а следовательно, конкретным последствиям изменения шкалы НДФЛ. Формирование средних классов в каждом типе регионов происходит по разному сценарию, *и если в насыщенных ресурсной рентой регионах введение прогрессивной шкалы повлечет за собой желаемый «эффект Робин Гуда», то для бедных регионов экономическая результативность налоговой реформы сомнительна*. Игнорирование нефтяной зависимости как общего основания рассматриваемых в книге проблем усиливает впечатление логической несогласованности.

Таким образом, комплексное понимание проблем, названных авторами «Экономика здравого смысла», возможно как минимум с учетом факторов региональных различий, оппортунизма чиновников и ресурсной зависимости. Строго говоря, вряд ли имеет смысл надеяться на инструменты государственной фискальной политики в условиях неэффективности административных институтов, отсутствия гарантий прав собственности и непрозрачности экономики.

Остается признать, что «Экономика здравого смысла» не избежала ошибок «Кредо либерала» — своего трансатлантического прообраза. С другой стороны, заявленный Иноземцевым и Кричевским уровень аргументации своей позиции предполагает серьезный анализ экономических тенденций, что вносит неоспоримый вклад в качественное совершенствование как экспертной, так и политической дискуссии в России. ■

¹ См., например, LEIGH A. Can Redistributive State Taxes Reduce Inequality? // <http://econrsss.anu.edu.au/pdf/DP490.pdf>; ATKINSON A., BOURGUIGNON F. (ed.) *Handbook of Income Distribution*. Vol. 1. Ed. 1. Elsevier, 2000.

² Баскакова М. *Проблемы бедности семей с детьми в г. Москве*. М.: ИУСП ГУ-ВШЭ, Уполномоченный по правам ребенка в городе Москве, 2009.